

“Счастливым концу — лишь начало пути...”

Стихотворения израильских поэтов

Перевод с иврита и вступление АЛЕКСАНДРА БАРАША

“Время хорошо относится к тем, кто помнит...”¹

Четыре израильских поэта, подборки которых здесь представлены, — характерные и яркие фигуры израильской поэзии. Их биографии и книги можно назвать историей государства в лицах и текстах. Несколько поколений, каждое со своей историей внутри “большой истории” страны, со своим видением и речью. От Йегуды Амихая, родившегося в Германии в 1924 году, до Натана Вассермана, “сабра” — уроженца Иерусалима, 1962 года рождения. Йегуда Амихай — международно признанный классик израильской поэзии, скончавшийся на пороге XXI века, в 1999 году. Первая поэтическая книга Натана Вассермана, известного ассириолога, вышла в начале двухтысячных.

Семья Амихая покинула Германию в середине 30-х годов. Во время Второй мировой войны он пошел добровольцем в британскую армию в подмандатной Палестине сразу после окончания школы. Потом принял участие еще в четырех войнах. Другой классик ивритской поэзии Дан Пагис, родившийся в 1930 году в городе Радауц на Буковине в немецкоязычной семье, в детстве провел несколько лет в концлагере вместе с бабушкой и дедушкой.

До приезда в Палестину Пагис не знал иврита. Его родным языком был немецкий, как и у Амихая. Но Амихай был из религиозной семьи и знал иврит еще до приезда в Палестину. Дан Пагис выучил иврит и стал специалистом по средневековой еврейской поэзии. Средневековая еврейская поэзия, испанский “золотой век”, была очень важна и для Амихая — и следы работы с этим наследием заметны в его ранних стихах. Других пересечений между Амихаем и Пагисом, видимо, нет.

Имя Амихая связывают с переходом ивритской поэзии в 50-е годы от “русской традиции” к англоязычной. Он писал много, разнообразно, с эмоциональной полнокровностью, иногда почти по раблезиански, если можно так выразиться (например, с эмансипирующей физиологической открыто-

© АЛЕКСАНДР БАРАШ. Перевод, вступление, 2020

Стихи публикуются с любезного разрешения Натана Вассермана и фонда The Institute for the Translation of Hebrew Literature.

1. “Время хорошо относится к тем, кто помнит...” — парафраз строк из стихотворения Ашера Райха “Выстрелы”: “Мы будем помнить, / старея вместе со временем. / Оно хорошо относится к тем, кто помнит”.

стью в эротических описаниях). Пагис ближе к кафкианскому миру: сух, уклончив, если не закрыт, — минималистичен.

Есть, впрочем, еще одна общая черта у Амихая и Пагиса, она свойственна не только им, но и двум другим поэтам, чьи тексты здесь представлены, Ашеру Райху и Натану Вассерману, и еще многим современным ивритским авторам. Это значимая роль цитат и ассоциаций из еврейской религиозной традиции. Библейских, талмудических, литургических. В зависимости от поэтики каждого автора такие аллюзии “задействованы” по разному, но во всех случаях использование этого “бэкграунда” органично, происходит естественно, как в русской поэзии — с цитатами и ассоциациями из хрестоматийной поэзии Золотого века и Серебряного века. Библейские герои и события, Экклезиаст и Песнь Песней (в оригинале) — такой же воздух детства и юности для израильских поэтов, как Пушкин и Ахматова для русских. Скажем, Йегуда Амихай пишет лирическое стихотворение о прощании с возлюбленной — и основным источником метафор оказывается превращение воды в вино и Исход из Египта:

Тот, кто уходит,
объяснит себе, прощаясь
с тем, кого любит,
все вещи, желания, слова.
И скажет: это все, что у меня было.
И с ним
произойдет чудо наоборот:
вино превратится в кровь,
хлеб в камень.
А Красное море не расступится,
открывая новую жизнь.
Оно останется цельным, как память,
которую невозможно перейти,
в ней тонешь.

Такие же аллюзии могут появиться в стихотворениях на многих языках, но в ивритском тексте они стилистически нейтральны, не окрашены никаким специальным пафосом, это “домашние” ассоциации. И более того, свобода Амихая в обращении с традицией воспринималась сначала как диссидентство: слишком вольное, вне рамок собственно религии, использование сакрального. Собственно — постмодернистское. В первые годы после появления Амихая на литературной сцене такая “работа с материалом”, как и другие виды антипафоса, присущие Амихаю (в том числе иное понимание того, что такое героизм, — не отказ от него, а отрицание ложного пафоса идеологической “возгонки”), — все это вызывало отторжение, но вскоре сопротивление утихло. В отношении религиозной традиции такой подход был принят, вероятно, благодаря тому, что любой вид обсуждения религиозных вопросов, всякая интерпретация — тоже существенная часть традиции: разговор, какой бы он ни был, поддерживает традицию, возрождает ее. Тут как бы очередное новое начало диалога на всех уровнях, цикличе-

ское движение, как повторение событий в еврейском календаре. В отношении “постмодернистичности”, революционной в 50-е годы для израильской литературы, — это, с одной стороны, культуртрегерство, прививание англо американо-американского “дичка” к ивритскому стволу. А с другой — если смотреть в широкой историко культурной перспективе, — бывали времена типологически близкие по психологической и художественной атмосфере к постмодернизму в XX веке. И в первую очередь, скорее всего, поздний эллинизм — или, в еврейском контексте, эпоха создания Талмуда, — когда рефлексии, перетекания жанров, амбивалентности, в том числе в отношении высших сил, было в избытке.

Третий поэт, Ашер Райх, родился в 1937 году в Иерусалиме. Это уже иное, следующее поколение — родившихся в Стране. Но еще не в Государстве Израиль, а в подмандатной Палестине. Так или иначе, Райх, как и Амихай и Пагис, в юности покинул то пространство — и бытовое, и ментальное, — в котором прошло его детство, пережил резкий переход в другое окружение. Но произошло это не из за угрозы жизни, а по собственной воле и в пределах своей страны. Райх родился и рос в ультрарелигиозной семье в Иерусалиме, но ушел в светский, секулярный мир, переехал в Тель-Авив, стал активным “актером” литературного процесса, был редактором нескольких газет. Он лауреат ряда значимых литературных премий. Стилистика и идеология Райха, явственная в его текстах, — мейнстрим современной ивритской литературной ситуации. Если вы хотите представить, как выглядят хорошие израильские стихи, современная классика, то, на мой взгляд, поэзия Райха — аутентичный пример. Тексты “Удостоверение” и “Выстрелы” в нашей подборке — своего рода конспекты того, как принято относиться к сионизму, войне, самоидентификации в светской столице страны — Тель-Авиве. Все это высказано афористически точно и метафорически эффектно:

Стреляют и хоронят.
Если не думать об этом —
позволим, чтобы все забылось.
Помни, как евреи умеют помнить,
из-под забвения, из-под ржавчины.
Мы будем помнить,
старая вместе со временем.
Оно хорошо относится к тем, кто помнит.

Натан Вассерман, поэт и профессор ассириологии в Еврейском университете в Иерусалиме, родился в Израиле в 1962 году. Израиль и еврейское для него — данность, дом, в котором он вырос, а не цель и не проблема идентификации. Еврейское у Вассермана входит составной частью в мир Древнего Востока — то есть, по сути, метафизических и эпических источников человеческой цивилизации. Его первая поэтическая книга вышла в том же 2002 году, когда и первая книга по ассириологии.

Родители Натана Вассермана — из Восточной Европы, из Литвы и Польши. Вторая мировая война и все, что она принесла, это, как мы видим в стихотворении “Разговор с отцом. Говорит только он” — непосредственный опыт его ближайших родных, он — только второе поколение, а значит, Катастрофа, ее психологические последствия оказали влияние и на его жизнь. Это остается с ним всегда, но не заслоняет все остальное. В текстах Вассермана множество библейских ассоциаций. Осень, проведенная в академических занятиях в Лейпциге, описывается “по модели” дней сотворения мира:

В первый день недели, по воскресеньям, мы ходили
на блошинный рынок в Парке Клары Цеткин.
По понедельникам — в библиотеку <...>
В третий день недели, по вторникам, покупали наперсток
и пришивали пуговицы при свете из окна.
В четвертый день, в среду, создавали светила.
В шестой день, по пятницам, рожали женщину.

Библия, как известно, исторически связана с религиями Древнего Востока; важно и уникально то, во что было претворено все, что ей предшествовало. Вассерман в своих стихах словно возвращает библейское и вообще еврейское в тот мир, частью которого они были изначально. С точки зрения литературной и общекультурной это впечатляющая миссия. Расширение сознания, концептуального и образного арсенала. Современные экзистенциальные и бытовые ситуации перетекают в эпос без временных и пространственных границ, возвращаются обратно... Создают открытый горизонт, складывается, светится калейдоскоп разных плоскостей и измерений. Даже само начало мира оказывается несколько иным, чем в иудеохристианской традиции — в тексте “В начале” события описывает *свидетель*, метафизическое, эпическое и лирическое переплетаются:

Не было света и не было того, кто скажет свету быть,
но можно было видеть, что происходит.
Было прохладно, может быть, холодно, они стояли в тумане,
немолодой человек, неизвестный, и перед ним молодая женщина <...>
Отверстия и углубления заполняли вода и пар. Мир качался.
Они говорили на языке без грамматики, их голоса отзывались эхом.
Это были Небо и Земля, одни, в начале всего <...>
Уже тогда в зелено синем саду, где сегодня
было таким же, как вчера, я знал: с тобой я забуду,
что должен приказать траве расти, рыбам — плавать,
и забуду, что должен дать имена вещам.
<...> и осталось: свет, которому не хватает света,
зелень, синева и скорбь.

Натан Вассерман — лауреат премии Фонда Йегуды Амихая. Круг замыкается — и переходит в новый цикл жизни. Прошлое открыто будущему, будущее — прошлому.